

мирования другой стрелковой дивизии¹. В составе этой дивизии москвичи-ополченцы защищали город Ленина.

Военную жизнь Лобачик начал инструктором политотдела дивизии. А когда начали создавать ударный батальон, он упросил начальника политотдела назначить его, Лобачика, комиссаром этого батальона.

В тот день, когда я впервые увидел комиссара, я ничего не знал о нем. Но он мне сразу понравился — волевой и решительный, спокойный и энергичный. Лобачик знакомился с прибывающими, отдавал распоряжения о размещении отдельных подразделений, занимался уймой других дел. В его обращении с людьми, манере говорить и держаться чувствовалась непринужденность. С первого взгляда заметно было, что Лобачик обладает большими организаторскими способностями и редким качеством сразу же внушать к себе уважение окружающих. Открытое, мужественное лицо, прямой и ясный взгляд, слегка насмешливые, светящиеся каким-то веселым задором, но в то же время дружелюбные глаза — весь облик комиссара вызывал симпатии к нему, пробуждал чувство большого доверия.

Первое впечатление от встречи с Лобачиком не оказалось ошибочным. Наоборот, последующие события подтвердили его правильность.

Иван Петрович Лобачик стал душой ударного батальона. В самый короткий срок из людей, в большинстве своем не знавших друг друга, прибывших из различных подразделений дивизии, неважно вооруженных (автоматическое оружие почти всем пришлось сдать при откомандировании из частей), нужно было сколотить боевую единицу, способную самостоятельно решать тактические задачи. Здесь не последнее место наряду с вооружением имели моральные качества личного состава. А это — забота комиссара. Лобачик прекрасно справился со своими обязанностями.

Многое из моей первой беседы с Лобачиком изгладилось из памяти. Помню только, что он интересовался моей довоенной специальностью. Оживился, когда выяснилось, что я, как и он, москвич. Спрашивал о моей

службе в 1027-м полку нашей дивизии, о моих партийных делах (я был тогда кандидатом в члены партии).

Меня назначили командиром взвода ударного батальона.

К вечеру, когда комплектование батальона в основном было завершено, мы отрыли щели, в которых можно было бы укрыться при налете вражеской авиации, и расположились на ночлег.

На следующий день одна из рот батальона, в которую входил мой взвод, получила боевое задание: нести патрульную службу в районе готовящегося наступления наших войск — на железнодорожную станцию и город Белоостров, захваченные незадолго до этого войсками неприятеля. Падение Белоострова создало серьезную угрозу для Ленинграда. Поэтому усилия советских войск на этом участке Ленинградского фронта были направлены в тот момент на то, чтобы вновь овладеть городом. Во время наступления наша рота должна была отражать возможные вражеские диверсии с тыла, задерживать всех подозрительных, появляющихся в районе наступления, восстанавливать порядок в случае его нарушения.

Нас перебросили на машинах к Белоострову и высадили у места расположения артиллерийских позиций. Тут же были сосредоточены танки, готовившиеся к предстоящей атаке. Рядом проходило шоссе, упиравшееся в железнодорожную линию. По линии маневрировал бронепоезд, то приближаясь к Белоострову, то отходя назад.

Всю ночь с 20 на 21 сентября мы высылали патрули и дозоры, охраняя шоссе и его продолжение — проселочную дорогу.

На рассвете наша артиллерия открыла огонь. Ее поддержал бронепоезд. Вскоре вперед ринулись танки, расчищая путь пехоте. Враг был выбит из Белоострова. Но на северной окраине города в руках у белофиннов остался дот, контролировавший значительный участок местности. Он занозой вклинивался в новую линию обороны, занятую нашими войсками в результате освобождения Белоострова.

Такова была обстановка, когда в бой был брошен ударный батальон. До сих пор служба для нас была

¹ Рядовой состав ополченской дивизии, формируемой Железнодорожным районом, был включен в кадровые части Красной Армии.